

Директор Герценки Степан Шихов

В.С. Жаравин

Степан Кузьмич Шихов (1895-1955) был директором Кировской областной научной библиотеки имени А.И.Герцена в 1932-1937 годы. Это была яркая, незаурядная личность, в чем-то даже трагическая, заслуживающая, чтобы его вспоминали.

Документы Государственного архива социально-политической истории Кировской области позволяют проследить весь жизненный путь С.К.Шихова.

Степан Кузьмич родился 16 января 1895 года в деревне Бабкино Орловского уезда Вятской губернии (сейчас это Оричевский район, Кировской области) в крестьянской семье. После окончания начальной школы работал в хозяйстве отца. В 1915 году был призван в армию и служил в Царском Селе. После революции вернулся на родину.

В июле 1918 года С.К.Шихов вступил добровольцем в Первый Вятский пехотный полк, с которым в октябре был направлен на Чехословацкий фронт. Участвовал в боях. Демобилизовался в 1921 году. Тогда же Степан Шихов сдал экзамены экстерном за курс реального училища и поступил

учиться в Московский литературно-художественный институт. В это время Степан писал стихи и считал себя поэтом. Одновременно с учебной работой он работал в издательстве «Молодая Гвардия» сначала корректором, а потом членом редколлегии.

После окончания института в 1925 году молодого коммуниста, только что вступившего в партию, по решению ЦК ВКП(б) направили в Вятку. Так он начал работать в издательстве Губкома ВКП(б) «Труженик» заведующим издательским сектором и по совместительству-литературным работником газеты «Вятская правда». Однако в Вятке Шихов проработал всего два месяца: его переводят в Омутнинск заведующим уездным отделом издательства «Труженик». Однако в 1927 году издательство ликвидируется, и Степан Шихов возвращается в Вятку.[1]

К этому времени он становится известным в крае человеком, его стихи публикуются в газетах и сборниках, выходит отдельная книга стихов. В 1927 году его избирают председателем Вятского отделения Всесоюзной организации рабочих и крестьянских писателей «Перевал».

В это время С.К.Шихов работает в кооперативном объединении «Сельпродсоюз» заведующим отделом сбыта и заготовок.

В 1929 году была ликвидирована Вятская губерния и вместо уездов были организованы районы. С.К.Шихова как человека, имеющего опыт литературной работы, по решению Нижегородского крайкома партии направили в Вожгальский район ответственным редактором газеты «Вожгальский колхозник». Вот, что вспоминал бывший секретарь газеты В.Бобошин:

«Тов. Шихов, будучи первым редактором и организатором газеты и типографии к ней, повседневно и неуклонно боролся и проводил в жизнь генеральную линию партии и во всей своей работе направлял острие газетных статей на претворение ее в жизнь.

Основой экономики образованного в то время Вожгальского района был хлеб и хлебозаготовка, [которую] тогда приходилось проводить в обстановке тяжелой борьбы с кулацкими и зажиточными элементами. В 1929-1930 годах партийное руководство района, имея в своих рядах представителей зажиточной верхушки деревни, проявляло оппортунистическое отношение к делу выполнения плана хлебозаготовок. Правильно понимая это и сложившуюся в районе обстановку, тов.Шихов резко критиковал руководство Вожгальского района на страницах

краевой газеты «Нижегородская коммуна». За проявленный махровый оппортунизм в хлебозаготовительной кампании Нижегородский краевой комитет, возглавляемый в то время тов. Ждановым, распустил бюро Вожгальского райкома ВКП(б) и назначил новые выборы. При этом тов. Шихов был оставлен на прежнем посту редактора районной газеты, а в дальнейшем, в 1931 году, переведен на работу в край с повышением....

В 1929-1930-х годах я еще был комсомольцем и только, что начинал овладевать специальностью газетного работника. В лице тов. Шихова я встретил чуткого, заботливого старшего товарища и воспитателя. Такое же отеческое отношение и заботу проявил он и к другим молодым газетчикам тов. Кобелеву, Скрыбину и др.». [2]

В Нижнем Новгороде Степан Кузьмич работал сначала заместителем, а потом заведующим краевым отделением ТАСС. Однако проработал он там недолго и, как он сам объяснял, из-за жилья был вынужден вернуться в Вятку, и с апреля 1932 года стал директором библиотеки имени А.И.Герцена.

К этому времени библиотека им. А.И.Герцена после ликвидации Вятской губернии превратилась в рядовую городскую библиотеку. По штатному расписанию в библиотеке должно было работать 36 человек, однако 7 должностей были вакантными и работало всего 29 человек. По структуре в библиотеке было 4 отдела: технический (первичной обработки поступающих книг), основных фондов и каталогов, обслуживания читателей, местного края. [3] Острые проблемы были у библиотеки с финансированием. На 1932 год на содержание библиотеки Вятским горсоветом выделялось всего 146 тыс.руб., а на 1933 год смета была утверждена на 78 тысяч рублей.

Новый директор библиотеки С.К.Шихов начал свою деятельность с решения вопросов финансирования. Он неоднократно обращается в Вятский горисполком, Горьковский крайисполком, Наркомпрос с просьбой о помощи библиотеке. Обращения сыграли свою роль. 19 октября 1933 года Горьковский крайисполком принял постановление за № 256 о признании Вятской библиотеки им. А.И.Герцена научной библиотекой краевого значения с обеспечением ее обязательным экземпляром. Решался вопрос и о переводе библиотеки на краевое финансирование.

Отчет о работе библиотеки за 1933 год вместе с сопроводительным письмом С.К.Шихов выслал в Наркомпрос, на имя Н.К.Крупской, которая в то время руководила библиотечным делом в стране. В письме Степан Кузьмич рассказал о библиотеке, о планах по ее развитию, жаловался на плохое финансирование и просил вмешаться, чтобы Горьковский крайисполком удовлетворил насущные потребности библиотеки и утвердил бы смету расходов в размере 250 тыс.руб. [4]

Н.К.Крупская в личном письме С.К.Шихову поблагодарила его и весь коллектив библиотеки им. Герцена за хорошую работу и пообещала помочь в выделении денег на библиотеку. В ответном письме от коллектива Герценки говорилось:

« С чувством глубокого уважения и ответственности мы прочитали твое письмо к директору нашей библиотеки. Твое письмо, исключительные заботы о нашей библиотеке и постановление правительства о библиотечном деле принесли нам большую радость, уверенность и дали нам новые силы на борьбу за то, чтобы вытащить свое дело на более высокий уровень, на уровень новых задач социалистического строительства, чтобы сделать нашу библиотеку передовой организацией на культурном фронте. ... В нынешнем году, Надежда Константиновна, благодаря твоим исключительным заботам о нашей библиотеке, краевые организации разрешили нам дополнительные средства в размере 30 тыс.руб.. Эти средства дадут нам возможность выкупить всю нужную литературу, в том числе и укомплектовать передвижной фонд для обслуживания производственно-технической книгой рабочих.

Выражая глубочайшую благодарность тебе, Надежда Константиновна, за эти исключительные усилия в помощи библиотеке, мы даем обязательства: [далее идет перечень соц.обязательств-В.Ж.]....». [5]

В 1934 году была пересмотрена структура библиотеки, изменилась функциональность отделов. В годовом отчете указана и новая структурная единица в библиотеке — методический отдел. [6]

Еще в том же году С.К.Шихову пришлось «воевать» за библиотечный сад. 27 марта 1934 года Вятская земельная комиссия горкомхоза приняла решение о присоединении сада у

библиотеки к городскому саду им. А.М.Горького. Коллектив библиотеки был категорически против этого решения. В письме в Вятский горисполком С.К.Шихов писал, что библиотечный сад — это место, где читатели библиотеки летом читают книги, и вообще горсад шумом (музыкой, проведением мероприятий и т.д.) будет мешать читателям. Кроме того, увеличится пожарная опасность для книг библиотеки.[7] Письмо помогло, и библиотечный сад удалось отстоять.

В декабре 1934 года произошли новые административно-территориальные изменения. Из Горьковского края был выделен Кировский край. Все это повлекло за собой изменения в структуре и содержании работы многих организаций. С 1 января 1935 года библиотека стала именоваться Кировской краевой. В связи с изменением статуса библиотеки, как отмечалось в годовом отчете за 1935 год, улучшилось материальное положение библиотеки. Число читателей увеличилось с 9600 человек до 12800 человек в 1935 году, было выдано 266 тысяч книг, в т.ч. 45 тысяч на абонементе. [8]

Библиотека им. Герцена при директоре С.К.Шихове превращается в один из главных культурных центров Кировского края — Кировской области. В декабре 1935 года на базе библиотеки проводился краевой праздник книги. Степан Кузьмич отвечал за оформление выставки и оборудование зала. Кроме этого, ему было поручено разработать диаграмму о работе библиотеки. Другие диаграммы: о библиотечном деле в крае, о работе библиотечного коллектора, книжного издательства — готовили другие.[9]

Бюро Кировского крайкома ВКП(б) 15 февраля 1936 года (протокол заседания №66 п.20) заслушало С.К.Шихова с отчетом «О работе библиотеки им.Герцена». В принятом постановлении было записано: «Крайком отмечает значительные успехи в работе краевой библиотеки им.Герцена, выразившиеся в росте читателей, посещаемости, улучшении справочно-библиографической работы и помощи в подготовке библиотечных кадров».[10] Решение было увязано с подготовкой 100-летия библиотеки. Бюро обязало т. Шихова «издать в 1937 году сборник, посвященный столетней деятельности библиотеки имени Герцена, каталог основной литературы и каталог краеведческой литературы, имеющейся в библиотеке».[11] Было намечено и многое другое, направленное на совершенствование деятельности библиотеки.

К юбилею Герценки готовились серьезно, был составлен большой план подготовки к празднованию. С.К.Шихов вел большую переписку с Горьковской студией кинохроники о создании фильма о библиотеке, с Союзфото о фотографиях А.И.Герцена, с институтом литературы Академии Наук СССР о документах А.И.Герцена. Готовился и сборник, посвященный 100-летию библиотеки.

1936-1937 годы вошли в историю нашей страны как годы небывалой политической кампании против троцкистов, бухаринцев и др., выявления во всех трудовых коллективах «врагов народа», публичного клеймения «происков врагов», покаяния в ошибках перед коллективом «провинившихся».

Подобное «мероприятие» проходило в Герценке 26 марта 1937 года. С докладом выступил директор библиотеки С.К.Шихов. Он говорил об «обязательном овладении большевизмом каждым библиотечным работником», обратил внимание на «слабую революционную бдительность», проявившуюся в том, что в фондах обнаружили «троцкистско-зиновьевскую литературу». Секретарь собрания А.И.Мильчаков записал в протоколе: «Свой доклад он заканчивает самокритически и признается в том, что в его работе нет системы, имеется либерализм, мягкость, прорывы в знаниях библиотечного дела, что политические журналы он читает иногда, не систематически».[12]

Критика в адрес Степана Кузьмича была большая. По «сценарию» сотрудники библиотеки в присутствии вышестоящих начальников из горно, облоно, партийных и профсоюзных чиновников должны были показать, что в коллективе «здоровая обстановка», развиты критика и самокритика. Директора «обвинили в плохом руководстве отделами, что он «не живет полностью жизнью библиотеки», мало работает с отдельными сотрудниками и даже в том, что в книгохранилище пыль и грязь. С.К. Шихов оправдывался: «Я отвергаю то, что плохо отношусь к кадрам старых специалистов, наоборот, все старые работники собраны мною. К новым кадрам плохого отношения не было».[13]

Шуму на собрании было много, однако резолюцию приняли «дежурную»: директору указали на недостатки.

Более жестким было собрание «кировских писателей и журналистов с вопросом о троцкистских и иных двурушниках в литературе» 22 мая 1937 года. С докладом на нем выступил ответственный секретарь Кировского отделения Союза советских писателей А.И.Алдан-Семенов. Там в частности говорилось, что «в библиотеке им.Герцена до сих пор есть книги, которые должны быть изъяты из обращения, например, вот эта книга (показывает)-сборник стихов К. Алтайского «Алое таяние», в котором восславляется агент гестапо Троцкий... только вчера он ее как читатель получил на руки из общего фонда библиотеки».[14]

(Для справки: книга поэта К.Алтайского — псевдоним К.Н. Королева - вышла в свет в Вятке в 1925 году).

С.К.Шихов не стал заниматься самокритикой и, по мнению собравшихся товарищей, повел себя не по-партийному. Он «выступил на собрании с критикой писательской организации, но не каялся, не признавал ошибок в своих произведениях, не ругал Алтайского, с которым был знаком».[15]

Собратья по перу решили: «Вопрос о тов. Шихове особо поставить перед партийной организацией Сталинского РОНО», где С.К.Шихов был на партийном учете.

Говоря поэтически, тучи над головой директора библиотеки им. Герцена сгущались. Усугубила ситуацию заметка в «Кировской правде» о работе с кадрами в библиотеке. 31 мая 1937 года состоялось закрытое партсобрание Сталинского РОНО, где в повестке стоял вопрос: «Разбор материала по заметке в «Кировской правде» о тов. Шихове». Степану Кузьмичу пришлось оправдываться: «... в библиотеке им.Герцена засоренность кадрами по социальному происхождению» [такая]: 6-7 человек — дети попов, торговцев и один белый офицер. Все эти люди работают давно и квалифицированные работники. Другая часть (15 человек) — молодые, малоподготовленные работники (окончили семилетку), но значительная часть их — комсомольцы».[16]

Собравшиеся обрушились на С.К.Шихова с резкой критикой. В вину ему ставили факт, что комиссия по проверке библиотеки «обнаружила книги Сокольников, Сырцева, Бухарина, следовательно, налицо засоренность фондов».[17] Другие ругали С.К.Шихова за то, что «недостаточно разоблачал врагов народа в литературе, например, книга К.Алтайского «Алое таяние» выдавалась читателю», «сам он писал безыдейные стихи, например, «Бесы и колхозники», опубликованные в журнале «Рост», где критика трудней и искажено соцсоревнование».[18]

Решение на собрании никакого не приняли, а обсуждение вопроса было решено продолжить в следующий раз. И вот 2 июня 1937 года началось новое «наступление» на С.К.Шихова. Ему припомнили годы молодости, ругали за то, что он был в группе «Перевал», руководитель Всероссийской организации которого Воронский стал «врагом народа». Шихову указали и на то, что в 1920-е годы он подражал в стихах Сергею Есенину. На собрании постановили: «Объявить т. Шихову выговор за непартийное поведение на собрании писателей. ... обязать т. Шихова на собрании литературной группы в порядке самокритики признать свои ошибки как писателя и ошибки, допущенные им на предыдущем собрании литературной группы».[19]

В соответствии с Уставом ВКП(б) решение партийной организации о наказании коммунистов должно было утвердиться райкомом партии. Персональное дело коммуниста С.К.Шихова рассматривалось на заседании Сталинского райкома ВКП(б) 1 октября 1937 года (протокол заседания № 39/20). Постановили: «Утвердить решение первичной организации Сталинского РОНО, объявить т. Шихову С.К. выговор с занесением в личное дело за непартийное поведение на собрании писателей, выразившееся в непризнании политических ошибок в своей работе (выдача книги К.Алтайского из запрещенного фонда и попытка уклониться от критики ошибок в литературе)».[20]

Параллельно с разбором «дела С.К.Шихова» писательской и партийной организациями в библиотеке им.Герцена работала бригада облоно, комплексно проверявшая деятельность

директора библиотеки. Результатам проверки стал приказ по Кировскому облоно от 25 июня 1937 года №272:

«Директора библиотеки им.Герцена С.К.Шихова за политически притупленное отношение к хранению особого фонда, за допущение засоренности фондов библиотеки и каталогов карточками контрреволюционной литературы, игнорирование работы методкабинета библиотеки — с работы снять».[21] А 28 июля 1937 года вышел новый приказ за №340, где сказано: «В дополнение приказа по Облоно от 25 июня за №272 за преступно-халатное отношение к своим служебным обязанностям, проявившееся в отсутствии контроля за работой бухгалтерии и в безответственном отношении к приобретенному инвентарю, бывшего директора Шихова отдать под суд».[22]

Однако судом только попугали, а Степан Кузьмич перешел на работу заместителем директора Кировского книжного издательства (КОГНЗа).

О деятельности С.К.Шихова в библиотеке им. Герцена написал Алексей Иванович Мильчаков, поэт, в то время работавший в Герценке:

«Знаю Шихова Степана Кузьмича по совместной работе в Кировской областной библиотеке им. А.И. Герцена (1932-1937), в которой он был директором.

С.К.Шихов проявлял большую заботу об улучшении работы областной библиотеки, организовал работу по комплектованию книжного фонда и приведению его в надлежащий порядок. В это время были приобретены ценнейшие издания классиков русской и мировой литературы, комплекты сборников «Знание», изданных при участии А.М.Горького, и др.

С.К.Шихов организовал учет фондов книгохранилища, антикварной литературы, организовал методическую работу с выездом методиста в районы для оказания помощи районным и сельским библиотекам.

С.К.Шихов оборудовал и оформил помещение абонементов красивым барьером и полками для выставки, проявляя постоянную заботу о чистоте и уюте читального зала, рабочих кабинетов библиотекарей.

В помещении библиотеки была выделена специальная комната для собрания литературной молодежи города. На этих собраниях всегда присутствовали читатели библиотеки. В это время по приглашению С.К.Шихова как директора посетили и выступили перед читателями такие писатели, как Леонид Леонов, А. Жаров, Иван Молчанов.

Проявляя чуткое отношение к литературной молодежи, С.К.Шихов организовал и при содействии горкома партии и окрсовета провел окружную конференцию молодых писателей Кировского округа Горьковского края.

В ответ на отчет о работе библиотеки, посланном в библиотечное управление Наркомпроса в 1934 году, Надежда Константиновна Крупская прислала на имя С.К.Шихова письмо, в котором высоко оценила работу коллектива работников библиотеки и ее директора С.К.Шихова и пожелала дальнейших успехов в работе. В этот период времени С.К.Шихов проявил себя как хороший и чуткий руководитель, и инициативный работник, преданный партии и ее великому делу человек ».[23]

В издательстве С.К.Шихов проработал около года, а затем был направлен в редакцию газеты «Кировская правда», где работал заведующим отделом культуры и справочно-библиографическим отделом. После начала Великой Отечественной войны отдел был ликвидирован, а Шихова перевели ответственным редактором газеты «Сталинец» политотдела Горьковской железной дороги. В 1942 году газета была закрыта, и вскоре Степан Кузьмич был призван в армию. В течение года он служил в запасном полку в г.Кирове. После демобилизации в 1943 году решением бюро обкома партии был направлен в Опарино редактором районной газеты «Опаринская искра», в которой работал с 1943 по 1945 годы.[24]

В мае 1945 года Степан Кузьмич Шихов поступил на работу в Государственный архив Кировской области научным сотрудником. Работники архива позднее вспоминали, что Шихов «проводил большую научную работу, а именно: участвовал в разработке сборников архивных документов для печати, принимал участие в разработке исторических справок для печатного каталога документов, имеющихся в архиве, писал статьи на основе архивных документов для

печати и радио, проводил научные лекции для архивных работников на семинарах. Эту научную работу Шихов сочетал с проведением массовой политической работы в отделе. Работал редактором стенной газеты. Систематически выступал с политическими лекциями и политинформациями перед коллективом сотрудников».[25]

Директор Госархива К.Я.Кушнерев писал: «Шихов являлся в среде работавших тогда научных сотрудников наиболее развитым и политически грамотным работником, только не имея специального архивоведческого образования. В обращении с сотрудниками был прост. Так как он много читал литературы, газет и журналов, то часто рассказывал что-либо интересное».[26]

31 мая 1949 года Степан Кузьмич Шихов был арестован. В вину ему ставили то, что он слушал радиопередачи из Англии и пересказывал их в архиве. Обвинение ему было предъявлено по ст.58 п.10 ч.1 УК РСФСР, антисоветская пропаганда. При обыске у С.К.Шихова изъяли: «книгу автора Есенина с явно враждебным изложением, 1925 года: книгу автора немецкого Гейне, рукописи Шихова (черновики стихов) на 418 листах, архивные дела: от 1824 года на 16 листах, воспоминания о 1917-1919 годах на 23 листах, воспоминания Фофанова на 27 листах».[27]

Через месяц, 29 июня 1949 года, С.К.Шихова по суду осудили на 10 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Отбывал наказание в лагере и был освобожден в 1955 году по болезни.

Вернувшись в Киров, Степан Кузьмич стал писать заявления и жалобы в Центральный Комитет КПСС, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в Прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации и восстановлении в партии. Писал он их в нескольких экземплярах, и сейчас их тексты хранятся в ГАСПИ КО и в рукописном фонде краеведческого отдела библиотеки им.Герцена, куда их передали родственники. Эти пространные заявления — по существу литературные произведения. Приведем одно из них с небольшим сокращением.

«В Комитет партийного
контроля при ЦК КПСС
От бывшего члена КПСС с 1925 года,
1895 г.р., осужденного по ст. 58-10 на 10 лет,
ныне освобожденного, проживающего
в г. Кирове ул. Герцена, д.45, кв.5
Шихова Степана Кузьмича
ЖАЛОБА

Как к мудрейшему отцу своему, воплотившему в себе всю честь и совесть партии и народа, как к высшему судье своему — к Комитету партийного контроля ЦК КПСС обращаюсь я с этой своей жалобой — исповедью, ибо пришло то время, когда без всяких опасений можно сказать всю правду как о себе, так и о тех, кто сознательно или слепо, вольно или невольно выполнял волю злейших врагов партии и народа Берия, Абакумова и иже с ними; пришло время, когда советский человек пошел полным шагом к коммунизму не подстегиваемый и не преследуемый агентами мирового империализма.

Состоя членом коммунистической партии в течение 25 лет и работая в последнее время научным сотрудником архивного управления МВД по Кировской области (образование 7 классов средней школы и два года сокращенного ВУЗа), 31 мая 1949 года я был внезапно арестован и мне было предъявлено чудовищное для меня обвинение по ст.58-10 в антисоветской агитации.

29 июня т.г. я был осужден и лишен свободы сроком на 10 лет с поражением в избирательных правах на 5 лет со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В чем сущность моего дела.

Возвращаясь поздно с работы, дома я иногда включал радио и выслушивал радиопередачи как по СССР, так и из-за границы. В конце 1948 года мне довелось выслушать несколько радиопередач из Англии, в том числе и об изучении русского языка английскими учеными.

Придя утром на работу, я рассказал об этой положительной передаче секретарю парторганизации отдела...

Я при этом вспомнил неоднократные высказывания Владимира Ильича Ленина о том, что нам надо знать врага по его печати, чтобы успешно с ним бороться.

Ничего плохого в пересказах этих радиопередач (было пересказано 4 сообщения) ответственным коммунистам... я не видел еще и потому, что они, имея высшее партийное образование, понимали их правильно и поэтому больше не пересказывали.

...Как проходило следствие.

31 мая 1949 года я был в первый раз в жизни арестован и в первый раз в жизни привлечен к ответственности по суду, и в делах такого рода был совершенно не искушенным.

Будучи по природе своей чутким и восприимчивым, правдивым и откровенным, добросердечным и незлобивым, - я ждал гуманного человеческого отношения к себе других людей и надеялся на торжество правды как основного закона советского правосудия. Но я был горько разочарован в этих своих убеждениях.

На предварительном следствии я совершенно обоснованно и справедливо не признавал себя виновным по смыслу ст.58-10, и потому, что частные личные разговоры «на ушко», как говорят, так же, как и частная переписка, являются неприкосновенностью советского гражданина и не могут быть подведены под статью обвинения.

Не признавал я себя виновным и потому, главным образом, что при пересказах всех радиопередач я не имел никакого злого умысла, направленного на снижение авторитета советской власти, что пересказывал я эти передачи только трем коммунистам — фактически лекторам и докладчикам, для которых они не являются каким-то секретом, что они, эти коммунисты, имея высшее партийное образование, понимали эти передачи правильно, никому их больше не пересказывали и, следовательно, никакого политического вреда никому от них не было — и состав преступления по ст.58-10 отсутствует полностью, и я к судебной ответственности привлекаться не должен.... Эти мои доводы поставили следователя, очевидно, в тупик...

Так числа 12-13 июня следователь в присутствии одного только подчиненного, встав в соответствующую этому «торжественному» случаю позу, говорил мне: «Смотри! Бери свое дело в свои руки! Признавай себя виновным по 58 статье по-большевистски! Если признаешься, как большевик, то это послужит тебе смягчающим обстоятельством при вынесении приговора, и тебе дадут тогда года два-три. А если не признаешься,- он двинул бровями и как-то зло и ядовито посмотрел на меня, - если не признаешься, - повторил он, - то мы, советская власть, поступим с тобой иначе: мы возьмем да и скинем тебя со счетов, применим тяжелую артиллерию, т.е. расстреляем, уничтожим тебя как врага народа! Ибо если враг не сдается, то его уничтожают! - добавил он многозначительно со взглядом победителя. Выбирай, как тебе лучше! Поступай, как тебе удобно! Понял?»

Я был потрясен и изумлен этим неожиданным заявлением-угрозой. Взглянув в его серокаменные неподвижные глаза, сжатые кулаки, я убеждался: «Да. Этот человек действительно способен на то, что он говорит: он действительно может уничтожить меня. Если не прямо в лоб, то косвенно-путем применения соответствующих мер, равносильных смерти, которые имеются в его руках, после которых я, тем более как инвалид, уже не выйду отсюда живым».

Мне ведь уже никто не поможет: от меня ведь уже все отвернулись и не хотят думать о том, жив я или нет и где нахожусь, по мне страдают только родные.

А мне выходит: и так смерть, и так гибель. Дамоклов меч повис над моей головой.

Я не боялся смерти, защищая советскую власть в 1917-1920 годах. Ибо я знал, за что я боролся и за что я могу погибнуть.

Но мне была страшна смерть теперь, в 1949 году, когда я могу отдать свою жизнь ни за что, бесцельно и нелепо, оставив на произвол свою семью.

Я был возвращен в тюремную камеру и заболел тяжело и мучительно, лихорадочно и судорожно, конвульсивно и иступленно, как болеют смертники.

Через несколько дней перерыва следствия по причине моего отказа признать себя виновным меня снова привезли к следователям, от которых я ничего не ждал теперь, кроме новых угроз и кроме смерти: по моим глубоким убеждениям, они оба были способны и на то, и на другое.

Потрясенный и обессиленный, я видел весь мир как всполошенный кошмар. У меня кружилась голова, и земля плыла под ногами. Я ступал по темному полу, но мне казалось, что я не

ступал, а падал в туманную, кишащую чудовищами пропасть, широко раскинув руки, чтобы держаться, но держаться мне было не за что, ибо все опоры рухнули.

Едва сидя на стуле и ничего не видя перед собой, кроме темной ужасающей бездны, я махнул ослабевшей рукой в сторону мутной фигуры следователя: «Ну! Сочиняйте, что хотите! Теперь я все Вам подпишу, кажется. Только избавьте, ради Бога, избавьте меня от Ваших смертоубийственных вопросов, запугиваний и угроз, которые сделали меня больным и сумасшедшим.

Только дайте возможность скорее, как можно скорее выбраться из рук [следователя] как моего врага, который занес надо мной свое испытанное оружие.

Именно в этом бессознательном иступлении и невменяемом состоянии с напоминаниями мне о законе и о силе «тяжелой артиллерии» (то есть расстреле), под диктовку того же я нацарапал какое-то заявление о признании себя виновным по статье 58-10.

Именно в этом иступленно бредовом состоянии с оранжевыми, мятущимися глазами и железными судорогами во всем теле, трясущейся рукой я подписывал все, что мне подсовывали, все тенденциозно составленные и клеветнические, направленные только на обвинения меня протоколы.

Так, как я увидел после, будучи более нормальным, во всех этих протоколах по сущности не было и десятой доли правды из того, что было в действительности...

Как был вынесен приговор

На суде я не признавал себя виновным, мотивируя свою невиновность теми же доказательствами, что и на предварительном следствии. Но председатель суда меня не слушал...

Назначенный самим же судом «защитник» почти дословно повторила... ничем не аргументированную обвинительную «речь» помпрокурора...

По приговору вместо двух-трех лет лишения свободы, обещанных следователем, я получил десять лет лишения свободы и пять лет поражения в правах...

О, Фемида правосудия! Где твое сияющее золото, сверкающая солнцем правда? Где честь и совесть у тех, которым доверены законы и вверены судьбы обвиняемых людей, а за ними и судьбы их семей: жен и детей.

Я — не виновен

Но обратимся к правде, трезвому разуму и чистой совести человеческой, ведь мы прежде всего живые люди.

Как я, бывший крестьянин — бедняк, а затем советский служащий и рабочий, член Коммунистической партии Советского Союза в течение 25 лет, четверть века свято выполнявший устав партии (за 25 лет состояния в партии я имел одно партвзыскание), получивший при Советской власти необходимое образование (до 1917 года я имел только начальное образование) и все то, что я желал получить, - как я при всем этом так быстро, так молниеносно мог переродиться и встать на путь контрреволюционной агитации против этой своей любимой власти, которую я собственной кровью своей защищал в 1917-1920-х годах? Как при всем этом я мог восхвалять капиталистический строй, при котором я был только нищим?

Могло ли это быть со мной? И когда?

Нет! Не могло, не было, и никогда не будет этого со мной! Не было этого со мной даже и тогда, когда они невинно обвинили и осудили меня, назвав врагом партии и народа, кто громко сейчас, кто молча в надежде, что, попав в тюремных условиях, я, безусловно, стану таковым.

Но они жестоко просчитались: никогда член партии, которая вырастила и воспитала его, не станет врагом партии...

Теперь после пяти лет отбывания наказания в лагерях я освобожден по ст. 457 УПК РСФСР, а некоторые из моих «следователей», как говорят, понижены в должностях, хотя это и безбожно мало.

Но мне в настоящее время не надо от всех этих клеветников и провокаторов, тем более что они никогда не признают себя виновными во всех своих беззакониях и насилии и формально всегда оправдаются, ибо если взять мое дело и многие другие дела, то там окажется все «правильно».

Но находясь на свободе, я попал в безвыходное положение, а именно: пенсию я не могу получить, потому что на мне висит, как тяжелые гири, судимость.

Работы я пока не получил по тем же причинам, то есть по причине судимости. Мне не доверяют в то время, как в течение тридцати лет мне доверяли миллионы и я руководил целыми учреждениями до областного масштаба включительно. И в то же время думается, что советская власть не для того освобождает людей, чтобы они попрошайничали, а для того, чтобы они работали и приносили пользу.

Исходя из вышеизложенного, прошу Комитет партийного контроля силой всех своих прав и авторитетов решительно вмешаться в мое дело и помочь разрубить гордиев узел, а именно:

1.... снять с меня судимость...

2.... восстановить меня в правах члена КПСС...

30 января 1955г. С.Шихов»[28]

Из всех инстанций С.К.Шихов получил отказы. Он устроился на работу в Облкниготорг бракером, где работал согласно справке «с 01 июня 1955 года по 29 декабря 1955 года, выбыл в виду смерти».[29]

Реабилитирован и восстановлен в партии Степан Кузьмич был лишь посмертно, в 1988 году.[30]

Имя С.К. Шихова неотделимо от истории вятской литературы XX века. О нем есть материалы в «Энциклопедии Земли Вятской», о нем писали Е.Д.Петряев, Ю.Г.Карачаров. Надеемся, что данные архивные разыскания помогут будущим исследователям написать книгу об этом интересном человеке, самобытном поэте и директоре Герценки в труднейшие 1930-е годы.

Примечания:

1 ГАСПИ КО ф.П-1290, оп.19, д.1868

2 Там же оп.33, д.1114, л.50-51

3 ГАКО ф.Р-2483, оп.1, д.239, л.17-18

4 Там же д.240, л.5

5 Там же д.254, л.18-19

6 Там же д.253, л.22

7 Там же д.286, л.13-14

8 Там же д.279, л.57об.

9 Там же д.268, л.17

10 ГАСПИ КО ф.П-1255, оп.2, д.12, л.261

11 Там же л.263

12 ГАКО ф.Р-2483, оп.1, д.287, л.11-12

13 Там же л.22

14 ГАСПИ КО ф.П-1447, оп.3, д.1685, л.17

15 Там же

16 Там же л.19

17 Там же

18 Там же л.23

19 Там же л.39

20 Там же л.40

21 Там же л.13

22 Там же л.11

23 Там же ф.П.1290, оп.33, д.1114, л.21-22

24 Там же ф.П-1290, оп.19, д.1868, л.4

25 Там же оп.33, д.1114, л.53-54

26 Там же л.101

27 Там же ф.Р-6799, оп.6, д.СУ-7373, л.8

28 Там же ф.П-1290, оп.33, д.1114, л.55-71